

Стояли в тундре две старые яранги. Жили в них бедные семьи, пищи было мало у них, оленей было мало. В одной яранге заплакал ребенок и попросил есть. Мать взяла ребенка, вышла из яранги и пошла к яме, где хранилась сушеная рыба. Дала мальчику юколу. Тут злая собака. Женщина оглянулась и увидела двух чертей. Испугалась она, схватила ребенка, прибежала в ярангу, закрылась и закричала:

- Келэ подходит к яранге!

- Чего ты испугалась? - сказала ее бабушка.

Келэ стояли возле яранги и смеялись. Женщина с ребенком легла спать, а старуха взяла бубен и всю ночь била в него, отгоняя злых. Ночью черт открыл шатер и зашел в холодную часть яранги. Собака рвалась с привязи и лаяла, а бубен гремел, как гром.

Подкрался черт, хотел взять нож, а собака еще сильнее залаяла. И келэ стал облизываться. Черт видит, что нож взять нельзя, тогда он потянулся за спичками; только потянулся, как собака чуть не откусила ему руку. Пошел злой к очагу, хотел поесть чего-нибудь. Тут старуха положила бубен, схватила ачульхен - ночной горшок - и плеснула на него... Черт отряхнулся, как собака, и выбежал из яранги. В тундре послышался детский крик. Кто-то поехал мимо стойбища. Вышли люди из яранги и видят: черти кочуют, идут два каравана рядом, в нарты впряжены олени, росомахи, зайцы и чайки. Дети плачут в крытых возках. Старшие показывают на ярангу друг другу. "Тише, тише, - говорят им старухи,- а то люди нас забросают ночными горшками, у нас сломаются нарты, и олени разбегутся".

Долго шли караваны мимо яранги, и огненные языки видны были среди ночи. А утром снег был гладок, даже от нарт не видно следов. На другой день яранги откочевали в сопки, и больше не видели чертей.